

МАЛЬЦЕВ Александр Андреевич

Кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики

Уральский государственный экономический университет

620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45

Контактный телефон: (343) 221-27-10

e-mail: almalzev@mail.ru

Обновление кейнсианства в зеркале изменений техничко-экономического ландшафта мировой экономики¹

Ключевые слова: неокейнсианство; методологический индивидуализм; мировая экономика; социальная инфраструктура; технологические сдвиги.

Рассмотрены методологические основы неокейнсианства. Доказана релятивистская сущность модификации исследовательской программы кейнсианского учения. Выявлены ключевые технико-институциональные сдвиги в развитии мирового хозяйства 1950–1970-х годов, обусловившие изменения в методолого-теоретической структуре экономического мейнстрима.

На смену атмосфере «страха за будущее», характерной для эпохи 1914–1945 гг., чье осмысление находилось в центре философско-экономических изысканий Дж. М. Кейнса, пришла «эра безмятежности» 1945–1975 гг., развеявшая ощущение неопределенности и позволившая перейти от задач поиска выхода хозяйственной системы из депрессивного штопора к стимулированию ее поступательного развития. В самом деле, «славное тридцатилетие» (*les Trente Glorieuses*) [1] стало временем беспрецедентного ускорения глобального хозяйства, когда среднегодовые темпы прироста мирового ВВП – 4,8% за 1950–1975 гг. – в 2,3 раза превышали аналогичный показатель «прекрасной эпохи» 1870–1913 гг. (рассчитано по [2]) и в 1,5 раза – недавней «золотой эры» 1991–2007 гг. (рассчитано по [3]). Постепенное возвращение глобальной экономики из фазы «чистого хаоса» [4. Р. 456] в состояние «экономической нормальности» требовало адаптации созданного в период Великой депрессии антикризисного учения к реалиям «великого потребления». В частности, новые исторические условия вызвали необходимость переоценки таких принципиальных положений аналитического аппарата Дж. М. Кейнса, как использование допущения об онтологической неопределенности будущего, отрицание рациональности мотивов деятельности людей, познание окружающей реальности с позиций холизма, изучение хозяйственных явлений в краткосрочном периоде, а также игнорирование влияния на экономические процессы технологического фактора. Решающий вклад в обновление кейнсианства внесли Е. Домар (1914–1997 гг.), А. Лернер (1903–1982 гг.), Дж. Робинсон (1903–1983 гг.), П. Самуэльсон (1915–2009 гг.), Э. Хансен (1887–1975 гг.), Р. Харрод (1900–1978 гг.), Дж. Хикс (1904–1989 гг.) и ряд других исследователей. При этом посягательство на системообразующие составляющие кейнсианской парадигмы породило всплеск взаимных обвинений в отступничестве от идеалов «кейнсианского переворота» и затушевывании истинного смысла теории. В этом, на внешний взгляд, разногласии, тем не менее,

¹ Статья подготовлена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. по лоту № 16.740.11.0696 «Компаративный анализ модернизационных стратегий в мировой экономической практике».

наличествовал общий знаменатель – твердое убеждение в необходимости сохранения эмпирической сердцевины «Общей теории», а именно, государственного вмешательства в игру рыночных сил. Впрочем, нюансировка различий между исследовательскими программами многочисленных ветвей неокейнсианства выходит за рамки нашего исследования. В рамках поднятого разговора важнее доказать авторскую гипотезу о том, что очередная корректировка развития экономической науки вновь детерминировалась изменением технико-экономического ландшафта мирового хозяйства. Рассмотрим это предположение детальнее, для чего вначале раскроем содержание основных теоретико-методологических новаций последователей Дж. М. Кейнса.

За точку отсчета возьмем упоминавшийся выше единый базис их концептуальных построений. По большому счету, формальные противоположности – Дж. Робинсон, выступавшую против гибридизации кейнсианства с неоклассикой, [5. Р. 18] и «заразивших» мейнстрим «вальрасианской инфекцией общего равновесия» Дж. Хикса, П. Самуэльсона, Э. Хансена [6. Р. 222–223], – объединял общий взгляд на утрату рыночными силами способности к саморегулированию. Правда, доказательная база необходимости в такой ситуации государственного вмешательства в экономику выстраивалась на эпистемологически различной основе. Так, Нобелевский лауреат 1970 г. П. Самуэльсон уподоблял общество сосуду с разреженным газом, в котором атомы-индивиды находятся в постоянном движении, однако в силу большого расстояния между частицами слабо контактируют друг с другом, что, соответственно, требовало (разумеется, от государства) увеличения плотности среды для наращивания скорости взаимодействия между атомами (индивидами) [7. Р. 1407–1418]. Другой видный кейнсианец – профессор Флоридского университета А. Лернер (1903–1982 гг.) использовал механистическую метафору, в которой экономика представлялась несущейся по шоссе машиной, а государство выступало в качестве корректирующего движение автомобиля рулевого. В своих работах ученый неоднократно ратовал за то, что «политические деятели могут управлять скоростью экономической деятельности, уводя экономику от опасности к процветанию» [8. Р. 162]. Дж. Робинсон не разделяла физико-математических аллюзий коллег, придерживаясь маршаллинской версии эволюционной логики хозяйственных процессов: «формирующие рынки агенты есть биологические организмы, которые умирают через определенный промежуток времени, а на смену им приходят другие» [9. Р. 51]. В рассматривавшейся системе «взаимодействующих биологических агентов» функцию своеобразного «стабилизатора» профессор Кембриджского университета отводила государству, обладающему способностью преодолевать противоречия между частными и общественными интересами выработкой систем правил и эгалитаризацией массового сознания [10. Р. 72–73]. Однако в отличие от Дж. М. Кейнса его последователи настаивали на необходимости не спорадической и косвенной, а систематической корректировки государством работы рыночных механизмов [11. С. 153]. Если у отца-основателя послевоенного мейнстрима правительство выступало в качестве своеобразной «скорой помощи» для терпящего бедствие общества, то в неокейнсианстве от государства требовалось постоянное присутствие в экономике в целях социализации хозяйственной системы и обеспечения индивидам равного доступа к максимизации личной полезности [12].

Впрочем, по целому ряду принципиальных моментов глубина разрыва исследовательских программ кембриджского ученого и продолжателей его дела достигала значительно больших размеров, зачастую принимая гносеологический характер. В частности, неокейнсианцы вернули общество, помещенное автором «Общей теории» в состояние неопределенности, в мир, «всегда находящийся в состоянии равновесия» [13. Р. 131]. Например, лауреат Нобелевской премии по экономике 1972 г. Дж. Хикс возобновил начатое Л. Вальрасом встраивание в экономическую науку концепции термодинамического равновесия, центральным элементом которой выступало представление о нахождении системы в состоянии, в котором все ее параметры остаются

неизменными во времени, а за непродолжительным отклонением от равновесности следует возвращение в исходное положение. Заимствовав у А. Маршалла понятие «временного равновесия», профессор Оксфордского университета рассматривал экономику в формате множества торговых сессий от «понедельника к понедельнику», каждой из которых присуще равновесие, однако в промежутке между ними допускалось возникновение «разбалансировки», всякий раз устраняемой при корректировке количественных характеристик спроса, предложения и цены. Подобный онтологический разворот, по всей видимости, обязан философскому осмыслению первого начала термодинамики, согласно которому «все явления полностью обратимы, поэтому равновесие не может зависеть от времени» [14. Р. 373]. Это обстоятельство позволило Дж. Хиксу не без оснований заявить о возможности «не брать время в расчет всерьез, ибо прошлое и будущее остаются одинаковыми» [15. Р. 62], следовательно, анализ не зависящих от временного континуума хозяйственных процессов должен касаться лишь «общих взаимосвязей количественного характера» [16. Р. 89]. Схожих воззрений придерживался один из основателей американского кейнсианства, «главный ученик Кейнса» [17. Р. 206] Э. Хансен, выдвинувший тезис «настоящее детерминировано настоящим» [18. Р. 73], впоследствии ставший важнейшей методологической предпосылкой обоснования предсказуемости траектории развития экономики, заранее задаваемой, подобно лабораторному эксперименту, путем манипуляции различными параметрами и переменными [19. Р. 92]. В эпистемологической плоскости переход «основного русла» от «языка неопределенности» [20] к позитивистскому дискурсу, постулирующему принципиальную познаваемость мира и возможность сознательного формирования будущего [21. Р. 154], предопределил кардинальное обновление методологического аппарата теоретических изысканий, когда на смену расплывчатым вербальным формулировкам пришли строгие математические способы проверки эмпирических гипотез [22]. Так над практикоориентированным фундаментом теоретического базиса Дж. М. Кейнса [23] надстраивался своеобразный физико-математический «этаж», призванный приблизить экономическую науку к естественно-научным дисциплинам с присущей им «способностью к измерению и точному предвидению» [24]. Пожалуй, лучше всего новые приоритеты мейнстрима расставил Нобелевский лауреат 1970 г. П. Самуэльсон, утверждавший, что экономистам, с одной стороны, следует «использовать математику в качестве языка, а физику в качестве образца для подражания» [25. Р. 1], а с другой – изучать лишь «операционно значимые теоремы» [26. Р. 189].

Ренессанс концепции общего равновесия, помимо восстановления в правах естественно-научной метафоры, означал возвращение в экономическую науку отвергнутого Дж. М. Кейнсом видения человека как рационального эгоиста, предвидящего свое будущее и занятого максимизацией собственного счастья. Дело в том, что восстановленный некейнсианцами равновесный мир-рынок мог поддерживаться в этом состоянии лишь свободными от «иррациональных мотивов поведения» участниками, которые «„как бы по мановению невидимой руки“ участвуют в любой транзакции, сулящей им экономическую выгоду» [27. Р. XXIII]. Между тем некейнсианский человек не являлся точной копией своего маржиналистского предшественника, максимизировавшего свою полезность в своеобразном вакууме и не контактировавшего с другими рациональными экономическими агентами: «индивидуалистические атомы разреженного газа в моем шаре, – писал П. Самуэльсон, – не изолированы от других атомов» [28. Р. 41]. Причины подобной неполной «реинкарнации» бентамистского гедониста, по всей видимости, заключались в стремлении послевоенного мейнстрима ответить на вопрос, волновавший еще А. Смита, а именно, как социальный порядок, зиждущийся на «преследовании миллионами жадных, своекорыстных индивидуумов своих целей», не приводит к хаосу [29. Р. 242]. Для решения данной проблемы профессор Гарвардского университета А. Бергсон (1914–2003 гг.) и П. Самуэльсон построили индивидуалистическую функцию

общественного благосостояния, впоследствии получившую название функции Бергсона–Самуэльсона. Ее теоретическая новизна заключалась в сочетании критерия Парето, согласно которому «любое улучшение в условиях существования индивидов, при котором не ухудшаются условия существования других, может считаться оптимальным» [30. P. 217], с математическими принципами симметрии, означающими независимость значения функции от перемены мест ее аргументов. В «переводе» с языка точных наук данная новация означала комбинацию методологического индивидуализма – «Парето-оптимальным обычно считается даже такое решение, когда один человек получает все» [31. P. 631] – с холистской идеей равенства всех членов общества и развивала основы восходящего к работам А. Пигу и В. Парето особого раздела экономической науки, так называемой экономики благосостояния, обосновывающей необходимость вмешательства государства в хозяйственную систему ввиду «неспособности децентрализованных агентов, преследующих личные интересы, обеспечить критерии „эффективности“, требующиеся для поддержания равновесной ситуации» [32. P. 47].

Вместе с тем попытка разрешения извечной дилеммы общественных наук «атомизм – холизм» с откровенно «плюралистических» позиций также выглядела отступлением от идей Дж. М. Кейнса, выступавшего последовательным поборником «философии целостности». «Наше индивидуальное суждение, – писал английский экономист, – не имеет ценности, мы пытаемся опереться на суждения остального мира, который, возможно, лучше информирован... мы должны соответствовать поведению большинства» [33. С. 122]. При этом кембриджский ученый оставлял своим последователям известное пространство для методологического маневра, подчеркивая преходящий характер подобных представлений: «если с помощью централизованного контроля удастся обеспечить полную занятость, „то с этого момента классическая теория вновь обретает силу“» [11. С. 192]. Это положение позволило мейнстриму 1950–1960-х годов приступить к гибридизации неоклассической микроэкономики, изучающей рациональное поведение атомизированных хозяйственных агентов на отдельных участках рынка, с кейнсианской макротеорией, ориентированной на рассмотрение экономики в целом через призму анализа взаимодействия макроэкономических агрегатов. Предельно четко данную мысль еще в конце 1940-х годов сформулировал будущий лауреат Нобелевской премии по экономике 1985 г. Ф. Модильяни (1918–2003 гг.), утверждавший, что главной исследовательской задачей экономической науки в обозримом будущем должна стать «интеграция основных строительных блоков „Общей теории“ с более традиционной и хорошо разработанной методологией, основывающейся на постулате максимизирующего поведения экономических агентов» [34. P. XI]. Конечной целью неоклассического синтеза его архитекторам представлялось заполнение бреши между различными «этажами» экономического знания, позволявшее увязать встроенную в микроподход «заряженность» на выявление способов достижения эффективности функционирования конкретной хозяйственной единицы с присущей макропарадигме фокусировкой на решении социальных проблем и поддержании устойчивости всей хозяйственной системы. Однако платой за подобную «универсальность» стала явная противоречивость выстроенной теоретической конструкции, метко названная «методологической шизофренией», когда микроэкономический мир индивидуалистического рационализма «пристыковывался» к макроэкономической исследовательской программе, базовым объектом анализа которой выступали социальные группы, тем самым создавая онтологический оксюморон, вбиравший в себя две взаимоисключающие мировоззренческие традиции – индивидуализм и коллективизм [35. P. 46–47]. Неокейнсианцы, следует признать, предпочитали не заострять внимание на теоретико-методологических изысках своих концептуальных наработок, считая истинными лишь те построения, которые прошли эмпирические испытания. Неудивительно, что систематизатор неоклассического синтеза П. Самуэльсон определял теорию как «набор аксиом,

постулатов или гипотез, которые хоть как-то соотносятся с окружающей реальностью» [36. P. 733], а центральной методологической задачей полагал вписывание рыночного поведения индивидов в модель общего равновесия с последующим применением результатов данной манипуляции для решения «традиционных вопросов макроэкономики» [37. P. 6]. Вот почему причины четвертьвекового доминирования неокейнсианцев, с нашей точки зрения, следует искать не в теоретической притягательности их концепции, а в актуальности ее практических рекомендаций, в частности, в допущении вмешательства государства как на микроуровне – в целях очищения рыночной среды от дефектов, препятствующих хозяйственным агентам максимизировать свою полезность, так и на макро – для обеспечения социального равновесия.

Другим важным отличием неокейнсианства стало возрождение интереса к проблемам долгосрочного развития экономики, что резко контрастировало с установкой кембриджского профессора на анализ экономических явлений в краткосрочных временных интервалах. Так, вместо изучения «картины хозяйства, застрявшего в депрессии» [38], теоретики новой волны кейнсианства сосредоточили свои усилия на проработке вопросов «динамизации» экономической теории. Подобный сдвиг в исследовательских предпочтениях экономистов во многом объяснялся изменением условий хозяйствования: если в 1930-е годы, как уже отмечалось выше, мейнстрим сосредотачивался на поиске способов вывода хозяйственной системы из состояния кризиса, «решаемого в пределах настоящего времени» (actual time), то в 1940–1960-е годы на повестку дня «основного течения» встала задача поиска путей поддержания устойчивых темпов экономического роста, не реализуемая за очерченными «Общей теорией» рамками диапазона в «несколько месяцев или года» [39. P. 25]. В частности, профессор Оксфордского университета Р. Харрод, усматривая основной недостаток «Общей теории» в изучении преимущественно проблематики простого воспроизводства, видел свою первостепенную задачу в том, чтобы научить экономистов «думать динамически» [40. P. 57]. Для этого ученый соединил принцип мультипликатора, показывающего воздействие расходов, формирующих совокупный спрос, на приращение национального дохода в настоящем периоде, с концепцией акселератора, устанавливающей взаимосвязь между текущими капиталовложениями и расширением производства в будущем [40. P. 56–57]. На основе этого предположения Р. Харрод выдвинул гипотезу о существовании двух типов экономического роста: гарантированного и оптимального. Под первым из них исследователь понимал способ увеличения национального дохода, при котором хозяйственное развитие задается равенством необходимого объема инвестиций добровольным сбережениям населения. Выход экономической системы на траекторию оптимального роста, обеспечивая полную занятость и поддержание социального оптимума, в заданной модели достигался равным наращиванием предложения капитала и труда [41. С. 28–29]. Возможность совпадения их динамики представлялась автору маловероятной, получив название «лезвие бритвы» (razor edge), что в целях поддержания равновесного состояния между трудом и капиталом требовало проведения активистской денежно-кредитной политики и непосредственного участия государства в инвестиционном процессе [42. P. 159]. «Монетарная и финансовая политика, – настаивал экономист, – служат для корректировки нормы сбережения, с тем чтобы сбережения были не больше и не меньше, чем нужно, чтобы обеспечить разумный уровень полной занятости» [43. С. 7–8].

Модель Р. Харрода, поспособствовав более глубокому пониманию комплексных процессов макроэкономической динамики, не могла полностью раскрыть всю глубину данной проблематики из-за унаследованного от Дж. М. Кейнса [44. P. 21] игнорирования «воздействия эффектов технологических изменений на динамический мир» [45. P. 160]. Значительный вклад в заполнение данного пробела внес другой строитель неоклассического синтеза, лауреат Нобелевской премии по экономике 1987 г. Р. Солоу, который в 1957 г. одним из первых предложил учитывать изменения в производительных силах

в качестве ключевого параметра, детерминирующего рост производства. На эту мысль его натолкнул анализ американской статистики за 1909–1949 гг., опровергший устоявшееся представление о том, что ускорение социально-экономического развития зависит исключительно от вовлечения в оборот экстенсивных факторов – накачивания хозяйственной системы инвестиционными инъекциями и поступления все новых объемов рабочей силы. Так, за проанализированное сорокалетие вклад капиталовооруженности в рост ВВП США составил лишь 50% [46. Р. 193], а в повышение производительности труда и вовсе 12,5% [47. Р. 94]. В свою очередь, дельта, образуемая после вычета из общего объема прироста производства доли, генерируемой наращиванием предложения труда и капитала, получила название так называемого «остатка» (*residual*) – удельного веса части экономического роста, создаваемого технологическими инновациями. Кстати, профессор Массачусетского технологического института разграничил два вида технического прогресса – ненейтральный и нейтральный, различия между которыми крылись в том, что первый немедленно сказывался на экономических индикаторах, а второй, не оказывая моментального воздействия на динамику социально-экономического развития, имел отложенный народнохозяйственный эффект. Принципиально важно, что в обоих случаях доказывалась возможность внедрения достижений технологического прогресса в производственный процесс лишь посредством модернизации основных фондов и, соответственно, наращивания валовых инвестиций: «политика увеличения инвестиций, – доказывал исследователь в своей Нобелевской лекции, – может привести не только к повышению капиталоемкости, подчас не играющей большого значения, но также к более быстрому трансферу технологии в реальное производство, которое как раз имело бы критически важное значение» [48. Р. 209].

Впрочем, и появление теоретических расхождений, и сохранение кейнсианского каркаса в «основном течении» экономической мысли 1950–1970-х годов, с нашей точки зрения, определялось изменением «духа времени». Его сущностную характеристику, пожалуй, наиболее точно уловил профессор Стэнфордского университета М. Абрамовиц (1912–2000 гг.), усматривавший природу послевоенного «золотого века» в «массовом применении не использованных ранее технологий» [49]. Достаточно сказать, что в 1945–1975 гг. в мире ежегодно появлялось 1,9 базисного нововведения (рассчитано по [50. Р. 689–690]) (один из лучших результатов в экономической истории мирового хозяйства) против 0,6 в 1920–1929 гг. [51. Р. 109]. Это инициировало переход к повышательной волне четвертого цикла конъюнктуры, вытолкнувшей развитие страны в «век высокого массового потребления». Правительства промышленно развитых держав откликнулись на это усилением государственного присутствия в экономике и перенацеливанием острия хозяйственной политики с решения проблем занятости на стимулирование научно-технического прогресса и отстройку основ национальных инновационных систем. Основными инструментами ускорения технологической и структурной трансформации выступали, во-первых, активизация обустройства социальной инфраструктуры, во-вторых, целенаправленная (в первую очередь амортизационной, налогово-кредитной, тарифной политикой) поддержка бизнеса, оказавшегося неспособным без «помощи и защиты государства удовлетворить потребности развития техники» (см., например, [52. Р. 24]), а в-третьих, отладка механизмов интерактивного планирования [53; 54], необходимых для координации усложняющихся производственных процессов. Для прорисовки канвы последующего разговора о модификации экономической мысли в контексте новых условий хозяйствования на этих моментах необходимо кратко остановиться.

Начнем с обустройства социальной инфраструктуры. Как выяснилось, форсированное развитие отраслей, формировавших сердцевину четвертого технологического уклада (в 1950–1970-е годы среднегодовые темпы прироста производства в автомобилестроении составили 5,5% (рассчитано по [55]), цветной металлургии – 8,2% (рассчитано по [56. Р. 127]), органической химии – 14,0% (рассчитано по [57. Р. 80]), соответственно

в 1,1; 1,7 и 2,9 раза опередив динамику мирового ВВП (рассчитано по [2]), требовало опережающего укрепления обслуживающих общественные нужды секторов экономики. Так, в США доля «наиболее предпочтительных, – по словам П. Самуэльсона, – с позиций подкрепления экономического роста» [58. Р. 231] инфраструктурных инвестиций, осуществляемых государством, за 1950–1960 гг. возросла с 2,25 [59] до 5,0% ВВП [60]. Причины подобной «расточительности» государства, по-видимому, крылись не только в следовании традиционной кейнсианской формуле «расходы стимулируют занятость, последняя рождает покупательную способность, раскручивающую спрос», но и в интуитивно выявленной взаимосвязи между наращиванием капиталовложений в инфраструктуру и ускорением технологического прогресса. Одним из первых на эту корреляцию обратил внимание Р. Солоу: «накопление капитала само по себе является важным, но не единственным ингредиентом экономического роста... другим из них являются инвестиции в социальную инфраструктуру» [61. Р. 73]. Спустя полвека эконометрические расчеты современных исследователей подтвердили данную гипотезу. Если в 1947–1973 гг. среднегодовой прирост стоимости американских государственных основных фондов составлял 4,5%, а производительность труда ежегодно прирастала на 2,6%, то в так называемый период «великого замедления производительности» (1973–1995 гг.), когда темпы роста производительности труда упали до 1,6% в год, скорость обновления материальных активов, находящихся в государственной собственности, снизилась до 2,3% [62].

Эффективным способом нагнетания экономического роста нового качества на всем протяжении «золотой эры» стало денежно-кредитное, фискальное и тарифное стимулирование технологической модернизации индустриального каркаса экономики развитых стран. В частности, уже в сентябре 1950 г. правительство Г. Трумэна утвердило закон «Об оборонном производстве» (Defense Production Act of 1950), среди прочего разрешавший органам исполнительной власти США выступать поручителями по кредитам частных компаний и вводивший четверо сокращенные – с 20 до 5 лет – сроки амортизации [63. Р. 218]. Результаты не заставили себе ждать: только в одной сталелитейной промышленности объем капиталовложений в новое оборудование за 1949–1952 гг. возрос с 0,6 млрд до 1,5 млрд дол., дав толчок не только наращиванию выплавки стали (с 95,5 млн до 108,6 млн т), но, что гораздо важнее, постепенному переходу американской металлургии от мартеновского к электросталеплавильному способу производства стали [64. Р. 159–160]. Данный нормативный акт попутно обязывал ведомство Р. Ловетта предоставлять беспроцентные кредиты и снабжать трудовыми ресурсами такие high-tech отрасли, как алюминиевая и титановая [65. Р. 112]. Как итог, объем производства алюминия в США за 1950–1953 гг. возрос в 1,7 (с 0,6 млн до 1,1 млн т (рассчитано по [66])), титана – в 30 раз (с 68 до 2030 т (рассчитано по [67])). В продолжение «темы» в 1962 г. уже администрация Дж. Кеннеди в целях активизации технологического перевооружения ввела инвестиционный налоговый кредит, позволявший сократить налогооблагаемую базу на сумму, равную 7% затрат на новое оборудование. Эффект также проявился практически мгновенно: по расчетам американских исследователей Р. Холла и Д. Йоргенсона, увеличение на 10,2% валовых инвестиций, направляемых в обрабатывающую промышленность страны в 1963 г., могло быть практически целиком отнесено на влияние инвестиционного налогового кредита [68. Р. 409–410]. Кумулятивно изменения в амортизационной, кредитно-налоговой и тарифной (внимание которой уделим далее) политике позволили снизить средний возраст основных фондов промышленности США с 10,3 года в 1950 г. до 8,9 года в 1968 г. [69. Р. 401]. Отмечая вклад государства в модернизацию американской экономики на данном этапе, выделим еще один важный инструмент поддержки производств четвертого технологического уклада – госзакупки, размещавшиеся преимущественно военным ведомством. Так, в 1958 г. оборонные заказы обеспечивали 93,7% производства

американского авиастроения, 60,7% – судостроения, 38,5% – транспортного машиностроения, 38,0% – радио- и телекоммуникационной промышленности [70. P. 211], а ассигнования Пентагона на НИОКР в 1960 г. достигли 52% общих расходов на научные исследования [71. P. 99].

Структурная трансформация экономик развитых стран, проходившая в условиях быстрого распространения поточно-конвейерных технологий, гигантизации оборудования, ускоренной мобилизации значительных ресурсов для обустройства сложной исследовательской инфраструктуры, требовала от западных правительств выстраивания системы межфирменной координации, одновременно «работая» на стабилизацию макроэкономической ситуации, все больше отдаляя ее от состояния неопределенности. Отстройке механизмов планирования в масштабах всей экономики благоприятствовало постепенное приближение к «идеалу народнохозяйственного комплекса, состоящего из ограниченного числа крупных корпораций... которыми легко и удобно руководить из единого центра» [72. С. 74]. В этих условиях даже Соединенные Штаты, не создававшие в отличие от других развитых стран «формальной системы национального планирования», в 1946 г. приняли закон «О занятости» (Employment Act of 1946), утверждавший ответственность государства за обеспечение «максимальной занятости, производства и покупательной способности». Достижение этих целей планировалось в тесном контакте с бизнесом, населением и представителями местных исполнительных органов власти путем «координации и использования всех планов и ресурсов на формирование условий для работы всем тем, кто ищет и хочет работать» [73]. Важным элементом хозяйственного целеполагания, предусмотренным данным законодательным актом, стала ежегодная публикация экономических докладов президента, обозначающих «своеобразные опорные точки в области использования ресурсов и мотивирующих частный бизнес к решению общественно полезных задач» [74. P. 46]. Впрочем, в наиболее выраженной форме политика индикативного планирования рыночного хозяйства, как известно, нашла отражение в экономической практике Франции. В 1947 г. правительство П. Рамадье приняло первый пятилетний план развития, получивший название «Модернизация или упадок», ориентированный на селективную поддержку шести приоритетных отраслей: угледобычи, цементной промышленности, энергетики, металлургии, транспорта и сельскохозяйственного машиностроения [75]. Впоследствии к ним добавились четыре высокотехнологичных подсектора – авиация, электроника, химия и энергетика [76. P. 201]. Арсенал задействованных французским государством приемов стимулирования «базовых производств», по большей части, включал в себя традиционные «рецепты»: предоставление инвестиционных кредитов, применение ускоренных норм амортизационных отчислений, поощрение экспортеров возвращением НДС, пр. [75]. В итоге, помимо решения важной социальной задачи удержания безработицы на стабильно низком уровне (2% на протяжении 1950–1973 гг. [77. P. 134]), комплекс макроэкономических решений позволил Франции сократить отставание от США по производительности труда, повысив ее с 47,5% американского итога в 1950 г. до 78,4% в 1973 г. [78. P. 173], и завершить структурную трансформацию, когда за 1949–1963 гг. удельный вес отраслей, производящих средства производства, возрос с 11,9 до 15,1% ВВП, а сельского хозяйства, напротив, снизился с 17,3 до 9,7% [79. P. 208].

Реконструировав основные технико-институциональные факторы, определявшие «дух времени» 1950–1970-х годов, попытаемся найти релятивистское объяснение отмеченным выше отклонениям неокейнсианства от первоисточника. Сначала отметим возрождение интереса к анализу экономических процессов с позиций долгосрочного равновесия. С нашей точки зрения, в решающей степени это предопределялось завершением в целом перехода хозяйственной среды развитых стран в состояние олигополии, которое, по словам Дж. К. Гэлбрейта, являлось наиболее надежной формой поддержания макроэкономической сбалансированности: «олигополистический рынок,

характеризующийся конкурентными условиями входа и выхода, будет эффективным распределителем ресурсов в долгосрочной перспективе» [80. Р. 286]. В подтверждение можно напомнить, что в США удельный вес 50 крупнейших корпораций в общем объеме продаж за 1955–1980 гг. возрос с 55 до 86% [81. Р. 62], в Соединенном Королевстве доля 100 ведущих предприятий в производстве готовой продукции на протяжении 1950–1960-х годов ежегодно прирастала на 1%, достигнув к 1968 г. 41% [82. Р. 66–67], а процессы монополизации затронули также сферу производства знаний. К 1960 г. на долю 384 компаний с числом занятых свыше 5 тыс. чел. приходилось 4/5 всех американских расходов на НИОКР, в то время как для 260 тыс. фирм, где число рабочих не превышало 1 000 чел., данный показатель не превышал 7% суммарных ассигнований на науку [11. С. 275].

Безусловно, укрупнение производственных процессов являлось важной особенностью четвертого технологического уклада. Однако всевластие крупного бизнеса грозило расстройством рыночных механизмов с очевидными последствиями в виде взвинчивания цен, повышения уровня социального расслоения в обществе, пр. Борьба с монополизмом исключительно традиционными методами ужесточения антимонопольного законодательства могла обернуться замедлением научно-технического прогресса, что подталкивало правительства развитых государств к созданию противовеса олигополистическим структурам инициацией программ контроля за ценами естественных монополий, смягчения трудового законодательства, повышения минимального уровня заработной платы, пр., в совокупности призванных возложить на спрос функцию «уравновешивающей силы» [83], противодействующей давлению производителей материальных благ. Так, в целях трансформации «рынка продавца» в «рынок покупателя» американский Конгресс в 1949 г. принял поправки к закону «О честных трудовых стандартах» (Fair Labour Standards Act), увеличивавшие минимальный уровень почасовой оплаты труда в 1,9 раза – с 40 до 75 центов. США, кстати, в этом плане оказались не одиноки: в частности, спустя год власти Четвертой республики ввели систему, устанавливавшую нижнюю границу заработной платы с частичной индексацией на инфляцию [84. Р. 430]. С другой стороны, необходимость купирования ценовых скачков (скажем, в США к 1947 г. среднее значение потребительских цен возросло по сравнению с 1939 г. на 67% [85. Р. 32]) выступала легитимным основанием для применения политики «поддержания цен перепродажи» (retail price maintenance (RPM)), защищавшей независимых ритейлеров от демпинга со стороны крупных торговых сетей путем законодательного установления ценовых «коридоров». Например, только за 1950-е годы удельный вес товаров, на которые распространялись правила RPM (автомобили, бытовая техника, горюче-смазочные материалы, одежда и продукты питания), в общем объеме продаж в США возрос с 4 до 10%, а в Канаде и Соединенном Королевстве к 1960 г. достиг даже 25% [86. Р. 376]. Другим инструментом снижения прессинга крупного бизнеса на потребителей стало ограничение тарифов на услуги коммунального сектора. Например, в 1954 г. Верховный суд США санкционировал практику государственного регулирования цен на природный газ, предназначенный для продажи внутри страны [87], а продолжение Федеральной энергетической комиссией (Federal Power Commission) политики поддержания «справедливых и разумных» оптовых цен на электричество позволило за 1950–1970 гг. снизить стоимость киловатта электроэнергии в 1,8 раза – с 7,2 до 3,9 цента [88. Р. 188]. В конечном счете, совокупность принятых развитыми странами мер дала импульс к формированию хозяйственной системы, выработавшей устойчивый «иммунитет» к внутренним и внешним шокам, в которой идею погони за максимизацией прибыли вытеснил другой мотив экономического поведения – «теперь все отрасли пытаются снизить цены и компенсировать меньшую маржу большим объемом продаж» [85. Р. 31].

Раскручивание потребительского спроса одновременно развеивало мечту Дж. М. Кейнса о том, что после выхода из сумерек Великой депрессии люди смогут

побороть «любовь к деньгам», которая станет трактоваться как «некое отвратительное заболевание ... заниматься которым с содроганием поручат специалистам, лечащим душевнобольных» [33. С. 177]. Так, за 1945–1975 гг. объем произведенных товаров и услуг в масштабах всей планеты оказался сопоставим с результатом предшествующих полутора столетий [89], что вкупе с трехкратным увеличением потребительского спроса (с 4 трлн до 12 трлн дол. [90. Р. 277]) полностью укладывалось в русло новой философии хозяйствования, восстановившей в правах бентамовский утилитаризм и объявившей «хорошего покупателя, руководствующегося принципом „покупай больше, новее и лучше“, „хорошим гражданином“» [91. Р. 15]. Приданию экономическому росту потребительского «окраса» способствовало пробуждение ползучей инфляции, подпитываемой ростом бюджетного дефицита как результатом наращивания правительственных расходов. Например, в США увеличение удельного веса государственных расходов в структуре ВВП с 23,9% в 1950 г. до 33,6% в 1975 г. [92] сопровождалось разрастанием дефицита федерального бюджета с 0,4 до 3,2% валового внутреннего продукта [93], а ежегодные темпы снижения покупательной способности денег за 1950–1970-е годы возросли с 2,0 до 7,1% [94]. Однако в складывавшейся политико-экономической конфигурации инфляция не рассматривалась как неизбежное зло, напротив, монетарные власти развитых стран полагали, что умеренное ускорение цен на товары и услуги «гонит людей в магазины» и поэтому является важным инструментом побуждения населения к активизации потребления [72. С. 57–58]. Для укрепления данного тренда страны Запада либерализовали условия выдачи ипотеки, в частности, в 1948 г. Правительство Соединенных Штатов раздвинуло предельные сроки погашения жилищных кредитов с 20 до 30 лет, в 1958 г. – увеличило отношение величины займа к стоимости залога с 80 до 95% [95. Р. 96], а средняя ставка по ипотечным кредитам на всем протяжении 1950–1960-х годов не выходила из диапазона 6% годовых [96]. Неудивительно, что двукратный рост жилищного строительства (за 1950–1970 гг. число построенных домов в США увеличилось с 29,7 млн [97. Р. XXI] до 68,7 млн единиц [98. Р. 15]) стал детонатором мощной волны потребкредитования, вследствие чего за 1950–1970 гг. размер потребительского долга в расчете на душу населения подскочил с 153,5 до 647,1 дол. [99. Р. 26]. Фетишизацию консьюмеристской лихорадки дополнительно раскручивало разрастание расходов на финансирование продвижения товаров и услуг: в 1950–1979 гг. среднегодовые темпы прироста ассигнований на рекламу в масштабах всей мировой экономики практически вдвое превышали показатель прироста глобального ВВП – 8,4% (рассчитано по [100. Р. 14]) против 4,8% (рассчитано по [101]). В этой связи трудно не согласиться с президентом National Broadcasting Company Р. Сарновым (1919–1997 гг.), уже в 1956 г. заметившим: «причина того, что мы имеем столь высокий уровень жизни, заключается в том, что реклама породила американский тип мышления, заставляющий людей покупать вещи, руководствуясь принципом „больше, лучше, новее“» (цит. по [102. Р. 106]). В конечном счете, кредитная экспансия в комбинации с совершенствованием маркетингового инструментария ослабила зависимость личного потребления от величины располагаемых доходов, открывая тем самым путь к становлению «обществ изобилия», с одной стороны, позволивших «десяткам миллионов людей ... вырваться из городских трущоб и деревенской нищеты, обрести собственные дома и жить в невиданном доселе комфорте» [103. Р. 3], а с другой – создававших «равновесную» систему, в которой «производство создает спрос, который оно само создает» [104].

В свою очередь, поддержание хозяйственной системы, движимой потреблением, в равновесном состоянии требовало формирования широкого слоя рациональных эгоистов, по меткому наблюдению Дж. К. Гэлбрейта, испытывающих сопоставимые с чувством голода страдания от осознания того, что сосед обладает более новым автомобилем [105. Р. 32]. Правда, в отличие от неоклассического homo economicus, максимизирующего свою полезность без посредничества государства, сообщество неокейнсианских

индивидов целенаправленно формировалось государственной политикой. Практически повсеместно правительства промышленно развитых держав реализовали комплекс мероприятий, нацеленных на повышение имущественной однородности, обеспечение сравнительно равного доступа индивидов к социально значимым благам, а также на укрепление позиций стабилизатора общества массового потребления – среднего класса. Так, в Соединенных Штатах одним из ключевых приемов перехода к относительно-му социальному равенству стало кардинальное изменение налоговой политики, когда максимальная ставка подоходного налога, не превышавшая в 1936 г. 79%, к 1963 г. достигла 91% [106], верхняя планка федерального налога на прибыль за тот же период 1936–1963 гг. поднялась с 15 до 52% [107], а налога на наследство – с 45% (1932 г.) до 77% [108]. Подобный разворот в фискальной политике ознаменовал начало эпохи, вошедшей в экономическую историю США под названием «великого сжатия» (great compression) [109], главной отличительной чертой которой выступило резкое сужение имущественной пропасти: за 1936–1963 гг. удельный вес национального богатства, находящегося в руках 1% наиболее состоятельных американцев, упал более чем в два раза – с 17,6 до 8,2% [110], а число миллиардеров за 1925–1968 гг. уменьшилось с 32 до 13 [111]. Одновременно медианные среднегодовые доходы средней семьи в постоянных ценах практически удвоились (1950 г. – 19,9 тыс.; 1975 г. – 36,8 тыс. дол.) [112], доля среднего класса за 1940–1970 гг. увеличилась с 40 до 65% [113. P. 11]. Материальной демократизации также способствовало расширение программ медицинского страхования, действие которых к 1956 г. распространялось на 70,1% населения, против 50,5% шестью годами ранее [114. P. 115], а также программ страхования жизни, за 1950–1970-е годы увеличивших охват с 19,6 млн до 60,4 млн чел. [115. P. 343]. Кроме того, сократились различия в имущественном положении между управленцами и квалифицированными рабочими. Так, в 1952 г. средняя еженедельная заработная плата «синих воротничков» в США (69,1 дол.) впервые оказалась выше доходов «белых воротничков» (66,4 дол.) [116. P. 23]. В таком контексте не кажутся преувеличением рассуждения многих западных мыслителей о заметном стирании классовых различий в 1950–1960-е годы: «Америка стала страной победившего среднего класса, – пишет Нобелевский лауреат по экономике 2008 г. П. Кругман, – подлинно богатые люди редки и не оказывают на общество заметного влияния... а рядовые работники увидели, что достигли такого уровня благосостояния, который превосходил самые отчаянные мечты их родителей» [117. С. 50, 61].

«Эпоха массового высокого потребления» 1950–1960-х годов, представлявшаяся многим современникам вечной, коренным образом отличалась от довоенного этапа развития мирового хозяйства с его сложившимся имущественным неравенством, затруднявшим формирование стабильного спроса как основы устойчивого экономического роста. Снижение угрозы сжатия потребления позволило бизнесу перейти от свойственных эре Великой депрессии решений сиюминутных задач выживания к реализации долгосрочных капиталоемких проектов технологического перевооружения старых и строительства новых производств, формировавших сердцевину четвертого технологического уклада. Например, в Соединенных Штатах двукратное увеличение продаж автомобилей за 1958–1964 гг. (с 5,2 млн до 9,1 млн штук) «совпало» с практически трехкратным ростом инвестиций в новое строительство и оборудование автомобилестроительных заводов (с 344 млн до 940 млн дол.). Высокие темпы прироста потребления продукции органической химии (3,4%) в 1953–1964 гг., в свою очередь, «потянули» за собой расширение капиталовложений в обновление основных фондов нефтехимической промышленности с 316 млн до 877 млн дол., а объем расходов на НИОКР в отрасли «взлетел» со 182 млн до 315 млн дол. [118. P. 97–100, 197, 180]. Вместе с тем дальнейшее развитие новых технологий упиралось в необходимость объединения усилий государств по облегчению трансграничного перетока факторов производства и развитию международной торговли для раскручивания глобального спроса. Скорейшему

решению этих вопросов способствовало формирование Бреттон-Вудской системы, создание МВФ, ГАТТ, Всемирного банка, заполнивших институциональный вакуум межвоенных десятилетий и купировавших распространение депрессивных симптомов по каналам международных расчетов и торговли. Так, скоординированные действия мирового сообщества позволили снизить средневзвешенную ставку импортных пошлин с 25% накануне Второй мировой войны до 12–15% к началу 1970-х годов [119. P. 20]. Помимо взрывного 7-кратного роста глобального экспорта за 1950–1973 гг. (с 21,0 млрд до 147,7 млрд дол. [77. P. 361]), либерализация тарифной политики активизировала глубокие структурные сдвиги в международной торговле: если в середине 1940-х годов в товарной структуре мирового вывоза продолжали доминировать минеральное сырье и топливо – 54,8%, а готовые изделия занимали 45,2%, то к середине 1970-х годов их соотношение изменилось – 39,5 и 60,5% соответственно [120. P. 21]. Параллельно такие трудозатратные изделия, как текстиль и металлы, из предшествующих технико-экономических укладов оказались вытеснены наукоинтенсивными товарами четвертой технологической парадигмы: за 1950–1973 гг. удельный вес машинотехнического оборудования и химикатов в общемировом промышленном экспорте возрос с 45,4 до 66,2%, в то время как доля продукции металлургической и легкой промышленности снизилась с 32,8 до 18,5% [121. P. 305]. Все это, естественно, происходило на фоне обновления отраслевой структуры мирового индустриального сектора, в результате чего, в частности, удельный вес продукции органической химии и машиностроения в глобальном промышленном производстве увеличился с 45,4% в 1960 г. до 52,7%, а доля швейных изделий и металлургии, напротив, упала с 15,3 до 13,4% (рассчитано по [122. С. 163]).

Как видим, в складывавшихся условиях игнорирование технологического фактора экономического роста в теоретических построениях исследователей новой волны становилось просто невозможным. Более того, именно достижение пика развития четвертого технологического уклада вкупе с обострявшейся конкуренцией с «реальным социализмом» стимулировало страны Запада к форсированию развития человеческого капитала, ускорению перехода от «технофобии» довоенной хозяйственной практики к «технооптимизму» и постепенному замещению представления о человеке как приатке машины образом человека – преобразователя знаний в продукт производства. Так, в условиях усилившегося биполярного противостояния объем ассигнований американского правительства Национальному научному фонду (National Science Foundation), созданному для развития системы фундаментальных исследований, научного образования и проведения особых исследований в области обороны, за 1950–1955 гг. возрос более чем в 3 раза, достигнув 3,3% всех бюджетных расходов страны [123. P. 45], а общий объем затрат на НИОКР поднялся с 1,4% в 1953 г. до 2,9% ВВП в 1964 г. [124]. В немалой степени этому «поспособствовал» запуск СССР первого космического спутника в 1957 г., обнаживший проблему «значительного отставания американской системы научного образования от советской» [123. P. 47] и вынудивший политический истеблишмент Соединенных Штатов начать рассматривать разгорающуюся «холодную войну» не столько как борьбу за превосходство в области вооружений, сколько как соревнование национальных систем образования. Спустя три месяца после вывода советского спутника на околоземную орбиту Президент США Д. Эйзенхауэр, выступая перед Конгрессом, утверждал: «Национальная безопасность отныне зависит от качества и масштаба нашей системы образования» [125. P. 40]. В целях недопущения превосходства Советского Союза в технологической сфере Соединенные Штаты уже в 1958 г. приняли закон «Об образовании в интересах национальной обороны» (National Defense Education Act), нацеливавший государство на всемерное «увеличение производства научных кадров» [126. P. 95], которым, в частности, предусматривалось выделение в течение четырех лет 1 млрд дол. в форме кредитов и стипендий учащимся, преимущественно по приоритетным для государства техническим и естественно-математическим

направлениям науки [127], повышение качества преподавания точных дисциплин и иностранных языков в средних школах [128]. Прямой эффект от данных инициатив государства оценить сложно. Тем не менее отметим, что за 1960–1970 гг. число учащихся колледжей в стране возросло с 3,6 млн до 7,5 млн чел. [129], а общие затраты США на образование «взлетели» с 2,7% в 1950 г. до 5,9% ВВП в 1975 г [130]. Кстати, именно в этот период правительства развитых стран одновременно с активизацией роста интеллектуального капитала приступили к всемерной поддержке здравоохранения как одного из ключевых слагаемых всей системы развития человеческого потенциала, а также фактора повышения конкурентоспособности стран Запада в геоэкономическом соревновании двух систем. На это принципиальной важности обстоятельство, безусловно, заслуживающее отдельного разговора, указывает, например, перераспределение бюджетных ассигнований США в пользу здравоохранения, расходы на которое за 1960–1975 гг. возросли с 5,2 до 8,0% ВВП [131], за счет военной сферы, финансирование которой, напротив, относительно сократилось с 10,1 до 6,7% валового внутреннего продукта [132].

Подведем итоги.

1. При кажущейся онтологической противоречивости и методологической неоднородности неокейнсианство представляло собой целостную конструкцию, цементирующей основой различных «ответвлений» которой выступало аксиоматическое убеждение в необходимости постоянного присутствия государства в социально-экономической жизни общества. Корни послевоенного парадигмального доминирования «обновленной» версии идей Дж. М. Кейнса следует искать не в теоретической элегантности, а в практикоориентированном характере исследовательской программы неокейнсианцев, чьи рекомендации полностью удовлетворяли задачам строительства развитой индустриальной цивилизации.

2. Резкая перестройка системообразующих элементов каркаса кейнсианского учения не являлась формалистическим упрощением, извращающим истинный замысел кембриджского ученого, а выступала приращением знаний, детерминированным потребностью повысить достоверность описания механизмов функционирования нового типа общества, достигшего стадии высокого массового потребления. Вместе с тем призывы к очищению кейнсианской традиции от послевоенных «наслоений», а также к возвращению от «незаконнорожденного» гибрида кейнсианства с другими учениями к истокам позволяли заострить внимание на отдельных дискуссионных обществоведческих вопросах и тем самым способствовали формированию более полифоничного видения картины социально-экономического устройства «золотого века» 1950–1970-х годов.

3. Причиной перехода мировой экономики из «эпохи отчаяния» в «эру безмятежности», а также соответствующей ревизии методолого-гносеологического фундамента кейнсианства стал выход глобальной хозяйственной системы из инновационного типа и переход четвертого технологического уклада в устойчивую фазу роста. В свою очередь, откровенные симпатии неокейнсианцев к концепции «большого правительства», доказывающей неспособность бесперебойной работы рыночного механизма без правительственной опеки, представляли собой отнюдь не поклонение метафизическому Левиафану, а предопределялись необходимостью утверждения роли государства в качестве «системного интегратора» процессов структурной реконфигурации технико-экономического ландшафта развитых стран.

Источники

1. Fourastie J. Les Trente Glorieuses, ou la révolution invisible de 1946 à 1975. P. : Fayard, 1979.
2. Historical Statistics for the World Economy: 1-2003 AD. URL: <http://www.ggdc.net>.

3. Real Historical Gross Domestic Product (GDP) and Growth Rates of GDP for Baseline Countries/Regions (in billions of 2005 dollars) 1969–2012. URL: <http://www.ers.usda.gov>.
4. Coddington A. Hicks's Contribution to Keynesian Economics // Wood J. C. (Eds.). John Maynard Keynes: A Critical Assessment. Kent : Croom Helm, 1983. Vol. 5.
5. Feiwel G.R. Quo Vadis Macroeconomics? Issues, Tensions and Challenges // Feiwel G. R. (Eds.). Issues in Contemporary Macroeconomics & Distribution. Albany : State University of New York Press, 1985.
6. Taylor L. *Maynard's Revenge: The Collapse of Free Market Macroeconomics*. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 2010.
7. Samuelson P.A. Modern Economic Realities and Individualism // Stiglitz J. (Eds.). The Collected Scientific Papers of Paul A. Samuelson. Cambridge (Mass.) : MIT Press, 1966. Vol. 2.
8. Bell S. Neglected Costs of Monetary Union: The Loss of Sovereignty in the Sphere of Public Policy // Bell S. A., Nell E. J. (Eds.). The State, the Market and the Euro: Chartalism versus Metallism in the Theory of Money. Northampton : Edward Elgar Publishing, 2003.
9. Hudson M. The Creditary / Monetarist Debate in Historical Perspective // Bell S. A., Nell E. J. (Eds.). The State, the Market and the Euro: Chartalism versus Metallism in the Theory of Money. Northampton : Edward Elgar Publishing, 2003.
10. Kerr P. Knowledge Without Pain // Joan Robinson's Economics: A Centennial Celebration. Northampton : Edward Elgar Publishing, 2005.
11. Афанасьев В. С. Буржуазная экономическая мысль 30–80-х годов XX века. М. : Экономика, 1986.
12. Tresch R.W. The Social Welfare Function and the Quest for Social Justice. URL: http://www.palgrave.com/economics/tresch/students/pdfs/Chapter_04_summary.pdf.
13. Hicks J. R. *Value and Capital: An Inquiry Into Some Fundamental Principles of Economic Theory*. Oxford : Clarendon Press, 1946.
14. Mirowski P. Physics and the "Marginal Revolution" // *Cambridge Journal of Economics*. 1984. Vol. 8.
15. Hicks J. *Causality in Economics*. Oxford : Basil Blackwell, 1979.
16. Termini V. A Note on Hicks's "Contemporaneous Causality" // *Cambridge Journal of Economics*. 1984. Vol. 8 (1).
17. Tvede L. *Business Cycles: From John Law to the Interest Crash*. L., N. Y. : Routledge, 2001.
18. Mehrling P. The Problem of Time in the DSGE Model and the Post Walrasian Alternative // Colander D. (Eds.). *Post Walrasian Macroeconomics: Beyond the Dynamic Stochastic General Equilibrium Model*. Cambridge : Cambridge University Press, 2006.
19. Chase R. Keynes and the US Keynesianism: A Lack of Historical Perspective and the Decline of the New Economics // Wood J. C. (Eds.). *John Maynard Keynes: A Critical Assessment*. L. : Croom Helm, 1983. Vol. 5.
20. Tokaryk T. Keynes, Storytelling, and Realism: Literary and Economic Discourse in Rohinton Mistry's *A Fine Balance*. URL: <http://journals.hil.unb.ca/index.php/scl/article/view/15288/16383>.
21. Ladyman J. *Understanding Philosophy of Science*. L., N. Y. : Routledge, 2002.
22. URL: <http://www.omnilogos.com/2011/08/18/logical-positivism>.
23. Crotty J. The Realism of Assumptions Does Matter: Why Keynes-Minsky Theory Must Replace Efficient Market Theory as the Guide to Financial Regulation Policy // *Political Economy Research Institute. Working Paper Series*. 2011. No. 255.
24. Rothbard M.N. A Note on Mathematical Economics. URL: <http://mises.org/daily/3638>.
25. Szenberg M., Ramrattan L., Gottesmann A. A., Arrow K. J. Introduction: The Significance of Paul Samuelson in the Twenty First Century // Szenberg M., Ramrattan L., Gottesmann A. A. (Eds.). *Samuelsonian Economics and the Twenty-First Century*. Oxford : Oxford University Press, 2006.

26. Caldwell B. J. *Beyond Positivism: Economic Methodology in the Twentieth Century*. L., N. Y. : Routledge, 1994.
27. Akerlof G. A., Shiller R. J. *Animal Spirits: How Human Psychology Drives the Economy, and Why It Matters for Global Capitalism*. Princeton : Princeton University Press, 2009.
28. Boland L. A. *The Foundations of Economic Method: A Popperian Perspective*. L., N. Y. : Routledge, 2003.
29. Udehn L. *Methodological Individualism: Background, History and Meaning*. L., N. Y. : Routledge, 2001.
30. Chaudhary S. (Eds.). *Global Encyclopedia of Welfare Economics*. New Delhi : Global Vision Publishing House, 2009.
31. Varian H. R. *Intermediate Microeconomics: A Modern Approach*. N. Y. : W. W. Norton & Company, 2010.
32. Chang H.-J. *Globalization, Economic Development and the Role of the State*. L., N. Y. : Zed Books, 2003.
33. Скидельски Р. Кейнс: возвращение мастера. М. : Юнайтед Пресс, 2011.
34. Modigliani F. *Collected Papers*. Cambridge (Mass.) : MIT Press, 1980. Vol. 1: *Essays in Macroeconomics*.
35. Stockhammer E., Ramskogler P. *Post-Keynesian Economics – How to Move Forward* // Lee F. S., Lavoie M. (Eds.). *In Defense of Post-Keynesian and Heterodox Keynesian*. Abingdon, N. Y. : Routledge, 2013.
36. Machlup F. *Professor Samuelson on Theory and Realism* // *The American Economic Review*. 1964. Vol. 54. No. 5.
37. Duarte P.G., Lima G.T. *Introduction: Privileging Micro over Macro? A History of Conflicting Positions* // Duarte P. G., Lima G. T. (Eds.) *Microfoundations Reconsidered: The Relationship of Micro and Macroeconomics in Historical Perspective*. Northampton : Edward Elgar Publishing, 2012.
38. Introduction by Paul Krugman to *The General Theory of Employment, Interest, and Money*, by John Maynard Keynes. URL: <http://www.pkarchive.org/economy/GeneralTheoryKeynesIntro.html>.
39. Asimakopulos A. *Keynes's General Theory and Accumulation*. Melbourne, N. Y. : Press Syndicate of the University of Cambridge, 1995.
40. King J. E. *A History of Post-Keynesian Economics Since 1936*. Northampton : Edward Elgar Publishing, 2003.
41. Аникин А. В. *Люди науки. Встречи с выдающимися экономистами*. М. : Дело Лтд, 1995.
42. Nafziger E. W. *Economic Development*. Cambridge : Cambridge University Press, 2012.
43. Маневич В. Е., Николаев Л. К., Овсиенко В. В. *Теория экономической динамики Харрода и анализ российской экономики* // Харрод Р. *Теория экономической динамики*. М. : ЦЭМИ РАН, 2010.
44. Kurihara K. K. *Essays in Macrodynamics Economics*. Albany : State University of New York Press, 1972.
45. Jain T. R., Malhotra A. *Development Economics*. FK Publications, 2010.
46. Kutter R. *Everything for Sale: the Virtues and Limits of Market*. Chicago : The University of Chicago Press, 1996.
47. Grübler A. *Technology and Global Change*. Cambridge : Cambridge University Press, 1998.
48. Solow R. M. *Growth Theory and After* // *Nobel Lectures in Economic Sciences (1981–1990) – The Sveriges Riksbank (Bank of Sweden) Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel*. Singapore : World Scientific Publishing, 1992.
49. Abramovitz M. *Catching up, Forging Ahead, and Falling Behind* // *Journal of Economic History*. 1986. Vol. 46.

50. Silverberg G., Verspagen B. Breaking the Waves: A Poisson Regression Approach to Schumpeterian Clustering of Basic Innovations // Cambridge Journal of Economics. 2003. No. 27.
51. Bornscheier V. Western Society in Transition. New Brunswick : Transaction Publishers, 1996.
52. Galbraith J. K. The New Industrial State. Princeton : Princeton University Press, 2007.
53. Рубченко М. Без шоковых рецептов // Эксперт. 2011. № 4.
54. Ackoff R. L. A Brief Guide to Interactive Planning and Idealized Design. URL: <http://www.ida.liu.se/~steho/und/htdd01/AckoffGuidetoIdealizedRedesign.pdf>.
55. URL: http://www.earth-policy.org/datacenter/pdf/book_wote_transportation.pdf.
56. Dennis W. H. Metallurgy: 1863–1963. Chicago : Transaction Publishers, 1963.
57. Gurney J. Petrochemicals // Strange S., Tooze R. The International Politics of Surplus Capacity. Competition for Market Shares in the World Recession. Abingdon, N. Y. : Routledge, 2010.
58. Stabile D.R., Kozak A.F. Markets, Planning and the Moral Economy. Business Cycles in the Progressive Era and New Deal. Northampton : Edward Elgar Publishing, 2012.
59. URL: http://www.data360.org/dsg.aspx?Data_Set_Group_Id=1529.
60. URL: <http://www.enotes.com/infrastructure-reference/infrastructure>.
61. Ying S.-H. Economic Growth and Transition: Econometric Analysis of Lim's S-Curve Hypothesis. Singapore : World Scientific Publishing, 2010.
62. Bivens J. Public Investment: The “Next Thing” for Powering Economic Growth. URL: http://www.epi.org/publication/bp338-public-investments/#_note4.
63. Friedberg A.L. In the Shadow of the Garrison State: America's Anti-Statism and Its Cold War Grand Strategy. Princeton : Princeton University Press, 2000.
64. Prechel H. Big Business and the State: Historical Transitions and Corporate Transformations, 1880s – 1990s. Albany : State University of New York Press, 2000.
65. Strategic Materials: Technologies to Reduce U.S. Import Vulnerability. Washington D.C. : U.S. Congress, Office of Technology Assessment, 1985.
66. URL: <http://minerals.usgs.gov/ds/2005/140/ds140-alumi.pdf>.
67. URL: <http://minerals.usgs.gov/ds/2005/140/ds140-timet.pdf>.
68. Hall R. E., Jorgenson D. W. Tax Policy and Investment Behavior // American Economic Review. 1967. Vol. 57.
69. Statistical Abstract of the United States 1974. Washington D.C. : Government Printing Office, 1974.
70. Nathanson C.E. The Militarization of the American Economy // Horowitz D. (Eds.). Corporations and the Cold War. N. Y. : Monthly Review Press, 1969.
71. Alic J.A. et al. Beyond Spinoff: Military and Commercial Technologies in a Changing World. Boston : Harvard Business School Press, 1992.
72. Худокормов А.Г. Экономическая теория. Новейшие течения Запада. М. : ИНФРА-М, 2010.
73. <http://www.ssa.gov/policy/docs/ssb/v9n3/v9n3p25.pdf>.
74. Singh R. Indian Economy for Civil Services Examinations. New Delhi : Tata McGraw-Hill, 2010.
75. Kindleberger C. P. French Planning. URL: <http://www.nber.org/chapters/c1426.pdf>.
76. Eyden T. van der. Public Management of Society. Rediscovering French Institutional Engineering in the European Context. Amsterdam : IOS Press, 2003.
77. Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective. P. : OECD, 2001.
78. Angresano J. French Welfare State Reform. Idealism Versus Swedish, New Zealand and Dutch Pragmatism. L., N. Y. : Anthem Press, 2007.
79. Caron F. An Economic History of France. N. Y. : Columbia University Press, 1979.
80. Greenhut M. L., Greenhut J. G. Our Teleological Economic World: Correlative Underpinnings of the Economic & Physical Sciences. Lanham : University Press of America, 2002.

81. Berberoglu B. *Globalization of Capital and the Nation State: Imperialism, Class Struggle, and the State in the Age of Global Capitalism*. Lanham, Boulder, etc. : Rowman & Littlefield Publishers, 2003.
82. Sawyer M. "Big Business": (almost Twenty Five Years On) // Toporowski J. (Eds.). *Political Economy and the New Capitalism: Essays in Honour of Sam Aaronovitch*. L. : Routledge, 2000.
83. Galbraith J. K. *American Capitalism: The Concept of Countervailing Power*. New Brunswick (NJ.) : Transaction Publishers, 1993.
84. Abowd J. M., Kramarz F, Lemieux T, Margolis D. N. *Minimum Wages and Youth Employment in France and the United States* // Blanchflower D. G., Freeman R. B. (Eds.). *Youth Employment and Joblessness in Advanced Countries*. Chicago : University of Chicago Press, 2000.
85. Logemann J.L. *Trams or Tailfins? Public and Private Prosperity in Postwar West Germany and the United States*. Chicago : University of Chicago Press, 2012.
86. Trebilcock M., Winter R. A., Collins P, Laccobuchi E. M. *The Law and Economics of Canadian Competition Policy*. Toronto : University of Toronto Press Incorporated, 2002.
87. URL: <http://www.downsizinggovernment.org/sites/downsizinggovernment.org/files/pdf/energy-timeline.pdf>.
88. Gilbert R. J., Kahn E. P. *Competition and Institutional Change in U.S. Electric Power Generation* // Gilbert R. J., Kahn E. P. (Eds.). *International Comparisons of Electricity Regulation*. Cambridge : Cambridge University Press, 1996.
89. Фурсов А. Смерть среднего класса. Режим доступа: <http://konservatizm.org/konservatizm/konservatizm/181112223752.xhtml>.
90. Reisch L. A. *Consumption* // Page E.A., Proops J. (Eds.) *Environmental Thought*. Northampton: Edward Elgar Publishing, 2003.
91. Halliwell M. *American Culture in the 1950s*. Edinburg : Edinburg University Press, 2007.
92. URL: http://www.usgovernmentspending.com/spending_chart_1900_2018USp_XXs-1li111mcn_F0t_US_Total_Government_Spending.
93. URL:http://www.usgovernmentdebt.us/spending_chart_1950_2018USp_14s1li011mcn_G0f.
94. URL: <http://inflationdata.com/Inflation/Inflation/DecadeInflation.asp>.
95. Green R. K., Watcher S. M. *The American Mortgage in Historical and International Context* // *Journal of Economic Perspectives*. 2005. Vol. 19. No. 4.
96. URL: <http://www.stansberryresearch.com/dailywealth/1615/us-mortgage-rates-historically-low>.
97. *Census of Housing Taken as a Part of the Eighteenth Decennial Census of the United States*. Washington D.C.: U.S. Department of Commerce. Bureau of the Census. 1961. Vol. 1: States and Small Areas. Part I: United States Summary.
98. *1970 Census of Population and Housing: Final Report*. Washington D.C. : U.S. Department of Commerce, 1971.
99. Merk A. *Sustainable Wealth: Achieve Financial Security in a Volatile World of Debt and Consumption*. Hoboken : John Wiley & Sons, 2010.
100. Mueller B. *Dynamics of International Advertising: Theoretical and Practical Perspectives*. N. Y.: Peter Lang Publishing, 2011.
101. URL: www.ggdc.net/Maddison/Historical_Statistics/horizontal-file_02-2010.xls.
102. Horowitz D. *Vance Packard and American Social Criticism*. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1994.
103. Krugman P. *The Conscience of a Liberal*. N. Y. : W.W. Norton, 2007.
104. URL: <http://russianleader.org/article.asp?aid=141>.
105. Galbraith J. K. *The Essential Galbraith*. N. Y. : Houghton Mifflin Company, 2001.

106. URL: http://taxfoundation.org/sites/taxfoundation.org/files/docs/fed_rates_history_nominal_1913_2013_0.pdf.
107. URL: <http://taxfoundation.org/article/federal-corporate-income-tax-rates-income-years-1909-2012>.
108. URL: <http://www.irs.gov/pub/irs-soi/ninetyestate.pdf>.
109. Goldin C., Margo R.A. The Great Compression: The Wage Structure in the United States at Mid-Century // NBER Working Paper No. 3817. 1991.
110. URL: <http://elsa.berkeley.edu/~saez/tabfig2007.xls>.
111. DeLong J. B. Robber Barons. URL: <http://www.uni-muenster.de/PeaCon/eliten/Robber%20Barons.htm>.
112. URL: <http://nces.ed.gov/pubs98/yi/yi16.pdf>.
113. Hynes H. P., Lopez R. Urban Health: Readings in the Social, Built, and Physical Environments of U.S. Cities. L. : Jones and Bartlett Publishers International, 2009.
114. Boychuk G. W. National Health Insurance in the United States and Canada: Race, Territory and the Roots of Difference. Washington D.C. : Georgetown University Press, 2009.
115. Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. Washington D.C. : United States Bureau of the Census, 1970. Part I.
116. Van de Vall M. Labour Organizations: A Macro- and Micro-Sociological Analyses on a Comparative Basis. Cambridge : Cambridge University Press, 1970.
117. Кругман П. Кредо либерала. М. : Изд-во «Европа», 2009.
118. Technological Trends in Major American Industries. Washington D.C.: United States Department of Labour, 1966.
119. Bourguignon F., Coyle D., Fernandez R., et al. Making Sense of Globalization: A Guide to Economic Issues // CEPR Policy Paper. 2002. No. 8.
120. World Economic Outlook. Supporting Studies. IMF, 2000.
121. Kenwood A. G., Loughheed A. L. The Growth of the International Economy, 1820–2000: An Introductory Text. L. : Routledge, 1999.
122. Родионова И. А. Мировая экономика: индустриальный сектор. М. : РУДН, 2010.
123. O'Mara M. P. Cold War Science and the Search for the Next Silicon Valley. Princeton : Princeton University Press, 2005.
124. URL: <http://www.nsf.gov/statistics/infbrief/nsf06306>.
125. Berube M.R. American Presidents and Education. Westport: Greenwood Publishing, 1991.
126. Spring J. H. Pedagogies of Globalization: The Rise of Educational Security State. Mahwah : Lawrence Erlbaum Associates, 2006.
127. Jolly J. L. The National Defense Education Act, Current STEM Initiative and the Gifted. URL: http://www.nagc.org/uploadedFiles/Information_and_Resources/Hot_Topics/The%20National%20Defense%20Act.pdf.
128. URL: <http://www2.ed.gov/about/overview/fed/role.html>.
129. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/National_Defense_Education_Act#cite_ref-Schwegler_1_1-0.
130. URL: http://www.usgovernmentspending.com/spending_chart_1900_2015USp_XXs11-i011tcn_20t_20th_Century_Education_Spending.
131. URL: http://budget.house.gov/uploadedfiles/fostertestimony_2-28-2012.pdf.
132. URL: http://www.usgovernmentspending.com/spending_chart_1947_2015USp_XXs11-i111tcn_30f_Defense_Spending_Since_WWII.